

Е.П. Педчак

«Три пальмы»

Расширяя смысловое значение своих стихов, сообщая им глубокую объемность, масштабность, Лермонтов в балладе «Три пальмы» прибегает к аллегории.

В балладе «Три пальмы» «гордые» хранительницы родника стремятся принести пользу человеку, найти единение с человеческим миром. Они ропщут на бога, размежевавшего природу и человека:

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колелемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

Но мечты пальм о соединении с человеком приносят им гибель. Природа нужна человеку постольку, поскольку она может удовлетворить мелкие, сиюминутные его потребности. Лермонтовское стихотворение полемично по отношению к девятому стихотворению из пушкинских «Подражаний Корану» («и путник усталый на бога роптал...»). Восточный сюжет осмыслен заново.

У Лермонтова пальмы томятся в ожидании человека. Они тоже, как и у Пушкина, «многие годы» страдают без человека. Но у Лермонтова, напротив, итог сюжета — разрушение. Мгновение радостного согласия между природой и человеком в девятом «Подражании Корану» получает значение вечности. У Лермонтова мгновение гармонии не менее радостно:

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро их поит студеный ручей

Но радость, веселье, согласие, единство природы и человека так и останутся мгновением. Конечный итог — «печальный след» «на почве бесплодной», жестокое уничтожение гармонии, дикость и запустение:

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Вечной темой у Лермонтова оказывается смерть, а не жизнь, не идеал гармонии, а идея неумолимой гибели совершенства. Для поэта мгновенна сама жизнь, а законом становится гибель, трагедия. Разрушение торжествует победу не только над призрачной гармонией природы и человека, но и над миром природы. Согласие нарушено внутри самой природы. Больше того, в ней изначально заложено противоречие между внешней гармонией и внутренней неудовлетворенностью:

«Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колелемы вихрем и зноем палимы...»

Лермонтов подвергает сомнению самую возможность существования идеального совершенства. Однако конечная трагедия всегда разыгрывается при непосредственном

участии человека. Человеческий мир в «Трех пальмах» внешне противоположен природному миру: в нем царит движение, кипят затаенные страсти, он живописен, красочен, пестр, весел. Но это разнообразие красок, горячность чувств, нестройность звуков контрастирует с внутренней холодностью и бездуховностью.

Лермонтов в «Трех пальмах» усваивает пушкинские достижения. У него дана вполне объективная, реалистическая картина движения каравана, показан сам быт восточной жизни, привычки, психология и культура восточного человека. Роскошная пестрота многоцветной и звучащей жизни вполне предметна и реальна. Араб у Лермонтова — это именно араб, с его горячностью, игрой жизненных сил, ловкостью, прирожденной красотой.

Но объективная картина — только маска, а мысль развивается независимо от нее. И здесь Лермонтов — антипод Пушкина. Конфликт между природой и человеком — априорная тема, заранее заданная. Она воплощается в объективных образах восточной культуры, но вовсе не порождена именно этой культурой. Тема может быть одинаково решена в рамках любой культуры. Существо постановки проблемы и ее решение зависят от характера внешне объективного ее выражения. Поэтому объективные картины восточного быта нужны для правдоподобия, а изнутри не порождают никакого конфликта. Караван и араб взяты Лермонтовым не в их социально-конкретной сущности, а в качестве символов человеческого мира вообще.

Лермонтов в «Трех пальмах» остается в рамках романтизма, но выход за его пределы уже намечен в придании субъективной форме выражения объективных красок.

Двойственность и противоречивость лермонтовского метода ярче всего проявляются в стилистике. На первый план выдвигаются слова и словесные лейтмотивы, выступающие как знаки определенной эмоциональной темы, но Лермонтов стремится сохранить и предметное значение слов. «Зеленые листья», «знойные лучи», «летучие пески» — все это точные предметные образы и в то же время знаки эмоциональных состояний, которые намеренно выделены, выдвинуты благодаря неоднократному повторению и эмоциональному контрасту («волна холодная» родника, «зеленые листья» — «знойные лучи», «летучие пески»; «песчаные степи», «бесплодная почва» — «высоко росли», «журча, пробивался»; «росли и цвели» — «колеблемы вихрем и зноем палимы» и т. д.). Выдвижение эмоциональных слов и словесных лейтмотивов в качестве самостоятельных знаков, преодолевающих предметность их значений, достигается и употреблением к одному ряду чисто качественных слов, не имеющих предметных соответствий или с ослабленной предметной связью («гордые», «чуждой», «роскошные»). Этой стилевой тенденции противостоит другая.

Лермонтов в объективных картинах живописно точен. Например, в описании движения каравана. Здесь преобладают точные наименования предметов и явлений («меж твердых горбов», «узорные полы походных шатров», «смуглые ручки», «черные очи», «стан худощавый», «вороного коня», «белой одежды красивые складки»). Объективная картина существует как бы самостоятельно, изымается из центральной проблематики баллады, но ее служебная функция остается значительной.

Объективность выступает не в качестве экзотической, восточной красочности, а как реальное бытие романтической идеи.

Волнообразный ритм, создаваемый четырехстопным амфибрахийем, помогает создать и картину идущего каравана, и умиротворенность, покой «аравийской земли».